

Н. В. Мельникова
**РУКОВОДИТЕЛИ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА:
КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ**

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-137-144

УДК 94(470)“1945–1953”

ББК 63.3(2)631

Отечественный атомный проект — одно из самых успешных советских начинаний, не только принесшее плоды в области обороны страны, но и давшее толчок развитию принципиально новых отраслей науки и промышленности. Высокотехнологичный проект в разрушенной войной стране в ходе реализации встретил трудности в различных плоскостях: научной, экономической, сырьевой, организационной, технической, производственной, образовательной, кадровой... В конечном итоге в результате взаимодействия большого количества людей был создан не просто жизнеспособный, но эффективный институт. Его руководители, без сомнения, относились к личностям, «создающим события», наложившим отпечаток своей индивидуальности на ход реализации проекта. Условно их можно разделить на государственных управленцев и научную элиту. Представителям последней в историографии советского атомного проекта уделено относительно большее внимание, поскольку их интеллектуальный вклад был определяющим для достижения конечной цели наукоемкого проекта. В статье же анализируются биографии членов высших «атомных» руководящих органов в период 1945–1953 гг., не относящихся к руководителям «от науки». Это первый опыт составления их «коллективной биографии», которая может не только показать, кто и почему стоял во главе атомного проекта, но и проиллюстрировать «нормальную» карьеру государственных деятелей сталинской эпохи и самого проекта, которым они управляли.

Ключевые слова: *атомный проект СССР, Специальный комитет, Первое главное управление, руководители*

Собственные, особые, органы руководства у советского атомного проекта появились после принятия постановления Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 20 августа 1945 г.¹ Создавался Специальный комитет и его исполнительный орган — Первое главное управление при СНК СССР (ПГУ), которое в 1953 г. было преобразовано в Министерство среднего машиностроения СССР (МСМ).² Соглашаясь с категоризацией руководителей советского военно-промышленного комплекса (ВПК), предложенной И. В. Быстровой, которая выделяет военно-политическое руководство, военную ветвь ВПК, «маршалов» оборонной промышленности и функционеров органов безопасности,³ в отношении руководящих органов атомного проекта мы предлагаем объединить их в одну категорию — государст-

венных управленцев — в противовес научной элите, также входившей в состав этих органов. Критерием отбора стал формальный, должностной, показатель: исследованы жизненные пути членов Спецкомитета, руководителей ПГУ, первого состава МСМ и их заместителей в период 1945–1953 гг. Такой выбор обусловлен несколькими моментами. Во-первых, руководителям «от науки» в литературе уделено большее внимание, поскольку их интеллектуальный вклад был определяющим для достижения конечной цели наукоемкого проекта. Во-вторых, биографии ученых (И. В. Курчатова и П. Л. Капицы, быстро вышедшего из состава Спецкомитета) развивались по другим траекториям, нежели государственных управленцев, и их следует изучать отдельно. В-третьих, концентрация внимания на биографиях «административных» руководителей атомного проекта позволяет обратиться к двум научным проблемам — причинам успеха самого проекта и путям формирования руководящей элиты в приоритетных сегментах «сталинской» экономики.

Таким образом, в исследуемую группу вошли: Александров А. С., Антропов П. Я., Бабкин А. Н., Берия Л. П., Борисов Н. А., Булганин Н. А., Ванников Б. Л., Владимирский С. М.,

¹ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 11–14.

² Подробнее о системе управления атомным проектом см.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

³ См.: Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг.). М., 2000.

Вознесенский Н. А., Емельянов В. С., Завенягин А. П., Кандарицкий В. С., Касаткин А. Г., Клочков И. М., Комаровский А. Н., Костыгов В. Г., Маленков Г. М., Малышев В. А., Махнев В. А., Мешик П. Я., Павлов Н. И., Первухин М. Г., Петросьянц А. М., Рябиков В. М., Славский Е. П., Хруничев М. В. Это первый в историографии опыт составления их «коллективной биографии». Необходимо подчеркнуть, что, по сути, часть перечисленных руководителей относилась не к костяку «атомных» управленцев, а к «наблюдателям» от высшего руководства страны (Булганин, Вознесенский, Маленков) или к представителям соисполнителей-«смежников» (Владимирский, Рябиков, Хруничев). Однако, чтобы избежать субъективной оценки («кто сделал больше»), будем следовать формально-должностному критерию.

Прежде всего, нетрудно заметить, что среди руководителей верхнего эшелона атомного проекта совсем нет женщин,⁴ что неудивительно, поскольку, за исключением единичных случаев, «пол» высшей власти в СССР был мужским. Ко времени назначения в проект его лидеры уже были зрелыми людьми (их средний возраст составлял 42 года), имеющими за плечами большой жизненный и профессиональный багаж. Трудовую деятельность большинство из них начали в 15–17 лет. Первые навыки управленческой работы больше трети руководителей атомного проекта получили во время революционных событий и/или Гражданской войны: Берия — в Азербайджане и Грузии; там же, на Кавказе, отстаивал советскую власть красноармеец Ванников; на Южном Урале — первый комсомолец Златоуста Первухин; «диктатуру пролетариата» устанавливал чекист Булганин, Емельянов сражался в отрядах Бакинской коммуны; Завенягин — на юге России и Украины; кавалерист Славский — в рядах Первой Конной армии; артиллерист Александров — на Южном и Западном фронтах; политработник Маленков — на Восточном и Туркестанском фронтах.

Начав с большевистского подполья и агитации, с деятельности в советских и партийных органах, они приходили к обучению. Берия окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище. После его преобразования в Политехнический институт он

учился в нем еще 2 года.⁵ Ванников, работая в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, обучался в Московском высшем техническом училище. В этот же вуз поступил в начале 1920-х гг. и Маленков.⁶ Красноармеец Первого Коммунистического полка в Баку Емельянов получил извещение о командировании на учебу в военном госпитале и отправился в Московскую горную академию.⁷ С партийной работы были направлены получать высшее образование Первухин и Завенягин: первый — в Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, второй — в Московскую горную академию. Вознесенский, приобретя опыт комсомольской работы, учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова и в Институте красной профессуры. Комаровскому как сыну инженера-водника дали профсоюзную путевку на поступление в Московский институт инженеров транспорта.⁸ Молодой депутат Грозненского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Антропов поступил на почвенно-геологическое отделение МГУ, после реорганизации ставшее Московским геологоразведочным институтом.⁹ После десяти лет службы в армии в 1928 г. отправился на учебу в вуз тридцатилетний Славский. Он был в составе первых парттысячников, которых партия «передвинула» с практической работы на изучение науки и техники. В том же году бывший командир батареи Александров после четырех лет работы на заводе поступил в Военно-техническую академию, сдав 26 экзаменов.¹⁰ В 1930 г. уже в числе третьей парттысячи был направлен в Московский механико-машиностроительный институт им. Н. Э. Баумана машинист депо Московско-Курской железной дороги Малышев. Годом позже него тот же вуз окончил Кандарицкий. Высшее образование получали и другие руководители-администраторы

⁵ См.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 107.

⁶ Неясным является вопрос, закончил ли он вуз: встречается информация, что он не получил полноценного образования (см.: Даниленко М. А. Партийная и государственная деятельность Г. М. Маленкова (1939–1957 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 17, 18) и «получил образование в Высшем техническом училище им. Баумана» (см.: Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М., 2015. С. 325).

⁷ См.: Емельянов В. С. О времени, о товарищах, о себе. М., 1968. С. 46.

⁸ См.: Комаровский А. Н. Записки строителя. М., 1973. С. 7.

⁹ См.: Вольфсон Ф. И., Зонтов Н. С., Шушания Г. Р. Петр Яковлевич Антропов (1905–1979). М., 1985. С. 13, 16.

¹⁰ См.: Волобуев Г. Т. Генерал А. С. Александров и тайны Атомного проекта СССР. Зеленогорск, 2011. С. 18.

⁴ Подробнее об этом см.: Мельникова Н. В. Женская занятость в советском атомном проекте // Российская история. 2017. № 6. С. 155–165.

атомного проекта: Бабкин (Ростовский институт машиностроения), Владимирский и Ключков (Московский энергетический институт), Касаткин (Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева), Павлов (Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова¹¹), Петросьянц (Уральский механико-машиностроительный институт), Рябиков (Ленинградская военно-морская академия), Хруничев (Всесоюзный институт хозяйственников, 3 курса). Таким образом, практически все руководители (за исключением Булганина, который окончил реальное училище) получили высшее или неполное высшее образование, главным образом в московских вузах (только треть — в других городах).

Передовой промышленный опыт перенимали в ходе зарубежных «стажировок» Ванников, Емельянов и Петросьянц. Некоторые продолжили обучение в аспирантуре (Антропов, Ключков, Павлов). Научной работой еще в студенчестве начал заниматься будущий член-корреспондент АН СССР Емельянов. Академиком с 1943 г. был Вознесенский.

По специальностям 74 % руководителей атомного проекта были инженерами (инженерами-металлургами, -механиками, -технологами и пр.). С одной стороны, это укладывалось в русло еще довоенных изменений, когда в партии и в руководстве страны ведущие роли стали играть технократы.¹² С другой — по сравнению с данными исследователей советской элиты уровень образованности и концентрации инженерного образования у руководителей атомного проекта был существенно выше.¹³ Это объясняется потребностями такого наукоемкого и технически сложного начинания, как создание атомного оружия.

Естественно, что руководители атомного проекта были членами партии. В основном это были партийные выдвиженцы времен Гражданской войны и массовых партийных

призывов 1920-х гг. В стране уже к концу 1930-х гг. вступившие в партию до 1920 г. составляли среди партийцев меньшинство,¹⁴ как и среди руководителей атомного проекта (около 36 %). При этом практически все вступили в партию будучи молодыми людьми (до 25 лет), а некоторые, например Вознесенский, Завенягин и Первухин, совсем юными — в 15–16 лет. Партийный стаж «атомных» руководителей к 1945 г. в основном находился в диапазоне от 13 до 28 лет. Самым молодым партийцем был начальник Главпромстроя НКВД Комаровский: его партстаж исчислялся только шестью годами.

В большинстве случаев для руководителей атомного проекта, вступивших в партию в 1917–1920 гг., первичным социальным лифтом стала низовая партийная работа. Следующий толчок развитию их карьеры давало высшее образование. Для вступивших же в партию в конце 1920-х и в 1930-е гг. первичным было высшее образование, после получения которого складывалась карьера в промышленности. Часть руководителей проекта объединяет школа органов партийно-государственного контроля, больше половины — работа в промышленности. При относительно небольшом стаже «промышленников» (к 1945 г. — в среднем 13 лет) ими был наработан колоссальный опыт работы в качестве главных инженеров и директоров крупных предприятий, а затем — руководителей наркоматов. В их «активах» — Государственный союзный завод им. В. М. Молотова (Ванников), Магнитогорский металлургический и Норильский горно-металлургический комбинаты (Завенягин), Днепропетровский и Уральский алюминиевые заводы (Славский), машиностроительный завод «Баррикады» (Первухин и Костыгов), Челябинский ферросплавный завод (Емельянов), Уралмаш (Петросьянц), завод № 205¹⁵ (Кандарицкий) и другие предприятия, а также наркоматы внутренних дел, тяжелой, оборонной, танковой промышленности, цветной металлургии, тяжелого машиностроения и станкостроения, вооружения, боеприпасов и др. Должности наркомов и их заместителей занимали 80 % руководителей атомного проекта. Для четверти управленцев общей была работа в «органах». С должности заместителя председателя Московско-

¹¹ См.: Николай Иванович Павлов: человек и его дело. К 100-летию со дня рождения. М., 2014. С. 6. По другим данным, Павлов окончил Московский институт инженеров общественного питания (см.: Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М., 2010. С. 667).

¹² См.: Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 323.

¹³ Из членов и кандидатов в члены ЦК, избранных в 1939 г., только 14,4 % получили высшее образование, из избранных в 1952 г. — 36 % (см.: Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // Slavic Review. 1979. Vol. 38, № 3. P. 400). Из делегатов партийных съездов высшее образование имели 26 % в 1939 г. и 59 % в 1952 г., среди последних инженерами были 24 % (см.: Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011. С. 170).

¹⁴ См.: Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 323.

¹⁵ Завод точной электромеханики.

Нижегородской железнодорожной ЧК начал Булганин. Чекистский стаж инженера Комаровского велся с 1931 г., когда он работал заведующим сектором проектирования Москаналстроя.¹⁶ В 1932 г., Мешик, не окончив полного курса обучения в Самарском энергетическом институте, стал слушателем Центральной школы ОГПУ. В 1938 г. после «чисток» в НКВД ряды этого ведомства пополнили будущие руководители атомного проекта Бабкин и Павлов: Бабкин был мобилизован в НКВД с должности заведующего промышленным отделом Ростовского обкома ВКП(б), Павлов — из аспирантуры Московского института народного хозяйства. В том же году Завенягин возглавил Норильскстрой НКВД СССР. При этом, думается, что и «выходцы из НКВД» были привлечены к работам не только потому, что они принадлежали к данному ведомству. Возможно, для «атомных» дел важен был их опыт, полученный в (Главном) Экономическом управлении этого наркомата. В разное время там работали Павлов и Мешик¹⁷ (последний почти два года возглавлял все Управление). Сложно в этом ряду говорить о Завенягине как о «выходце из НКВД»: большую часть своего трудового пути он прошел вне этого ведомства. Для него все же определяющим был опыт партийной и, в еще большей степени, хозяйственной работы (последняя была стержневой и во время его службы в структурах НКВД).

Согласно тенденции «милитаризации» высших эшелонов власти СССР,¹⁸ практически все руководители атомного проекта носили воинские звания. Берия и Булганин были маршалами СССР, Маленков — генерал-лейтенантом. С 1943 г. генерал-лейтенантом государственной безопасности был Мешик, с 1945 г. — Бабкин и Завенягин. В 1945 г. в возрасте 31 года Павлов стал генерал-майором (на тот момент самым молодым генералом в стране). Комиссар кавалерийского полка Славский, до 1928 г. служивший в Красной Армии и лично знакомый с С. М. Будённым и М. В. Фрунзе, получил звание полковника. К высшему офицерскому составу инженерно-технической службы ар-

мии принадлежали генерал-полковники Ванников и Малышев, генерал-лейтенанты Первухин, Рябиков и Хруничев, генерал-майоры Александров, Борисов, Комаровский, Костыгов, Махнев и Петросьянц. Из массива воспоминаний низовых участников проекта складывается впечатление, что его секретность и режимность часто заставляли их воспринимать руководителей высшего эшелона как офицеров органов госбезопасности («энкаведешников»), при этом авторы не вдавались в подробности их воинских званий. Некоторым иногда прямо приписывалось «энкаведешное» прошлое, которого они не имели. Таким образом, генеральские погоны становились дополнительным фактором психологического воздействия на исполнителей.

В среднем около 6 лет отделяло момент начала трудовой деятельности будущих «атомных» начальников от занятия первой в карьере руководящей должности. Для сравнения можно привести данные исследования Левада-Центра (1993), изучавшего трудовые биографии руководителей,¹⁹ которые реализовывались в различные отрезки времени советской истории. Для периода до 1953 г. исследование установило среднюю длину карьеры до достижения руководящей должности в 8 лет.²⁰ Как видим, для руководителей атомного проекта характерны более высокие темпы карьерного роста, что свидетельствует об их незаурядных способностях. В среднем в 38 лет они становились наркоматами или заместителями наркомата (а те, которые составляли костяк «атомного» руководства, еще раньше — в 35 лет). При этом указанный возраст был скорее правилом тех лет, чем исключением.²¹ В случае атомного проекта ранние достижения можно отметить и у тех, кто не занимал «наркомовские» должности.

Несмотря на блестящие успехи, биографии некоторых руководителей атомного проекта были не лишены изъянов. У Берии в прошлом была туманная история со службой в мусаватистской контрразведке. В начале июня 1941 г. арестовали и отстранили от должности наркомата вооружения СССР Ванникова, однако уже

¹⁶ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 826.

¹⁷ В этом же управлении служили и другие заметные «энкаведешники» проекта: замначальника 9-го Управления МВД СССР, член коллегии ПГУ А. Д. Зверев и уполномоченный СМ СССР на комбинате № 817 И. М. Ткаченко (см.: Петров Н. В. Указ. соч. С. 30, 31, 396, 846).

¹⁸ См.: Быстрова И. В. Указ. соч. С. 214, 222.

¹⁹ Под руководителями в этом исследовании понимаются «законодатели, крупные чиновники, управляющие, директора, руководители подразделений на крупных предприятиях», что вполне допускает сравнение.

²⁰ См.: Косова Л. Общество ненакопления // Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 56.

²¹ См.: Бенедиктов И. А. О Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 17.

в июле он получил удостоверение, подтверждающее, что он «полностью реабилитирован».²² Завенягина еще в 1920 г. реввоен трибунал заочно приговорил к 15 годам заключения «за преждевременную эвакуацию г. Юзовки», но Центральная контрольная комиссия, разбирая это дело, оправдала его.²³ В 1938 г. он опять оказался в опале, когда был арестован его начальник — нарком В. И. Межлаук. Последовавшее за этим назначение в Норильск в некотором смысле было ссылкой. В 1936 г. Славский чудом избежал исключения из партии за «поддержку националистической группы инженеров», отделавшись строгим выговором.²⁴ Малышев в июле 1942 г. был освобожден от должности наркома танковой промышленности за невыполнение плана по танкам Т-34. Однако за этим не последовало репрессивных мер: Малышева назначили заместителем члена ГКО Молотова, а через год восстановили в должности наркома. Под следствием за должностные злоупотребления в августе–сентябре 1942 г. находился будущий заместитель начальника ПГУ Антропов.²⁵ Такие темные пятна в биографии могли успешно использоваться как инструмент манипуляции, характерный для системы руководства и выстраивания высшей власти в СССР сталинского периода.²⁶ Возможно, именно поэтому они не помешали назначениям на высокие должности атомного проекта.

Ко времени назначения в атомный проект практически все имели опыт совместной работы той или иной степени глубины: как члены ЦК, заместители председателя СНК, члены ГКО, как наркомы, заместители наркомов, руководители промышленных предприятий. В Наркомате тяжелой промышленности работали Емельянов, Антропов, Первухин и Завенягин (последние трое в одно и то же вре-

мя; кроме того, Первухин (1938) и Завенягин (1937–1938) были заместителями наркома). Антропов и Славский являлись заместителями наркома цветной металлургии; Петросьянц — заместителем наркома тяжелого машиностроения Малышева, позже — его же как наркома танковой промышленности. Практически одновременно занимали должности заместителей наркома оборонной промышленности Ванников и Хруничев (тогда же в наркомате с должности заместителя главного инженера начинал Емельянов, а Кандарицкий был одним из первых инженеров-стахановцев подчиненного наркомату завода). Когда Ванников возглавил Наркомат вооружения, его заместителями были Костыгов и Рябиков, а когда стал руководителем Наркомата боеприпасов — Махнев и Хруничев. В 1942 г. Первухин был назначен наркомом химической промышленности, а Касаткин — его заместителем. Начальник Главного управления Наркомата судостроительной промышленности Емельянов знал Владимирского как главного инженера (позже — директора) завода № 703 того же наркомата. Александров как секретарь председателя Военно-Промышленной комиссии Комитета обороны при СНК знал Ванникова; как заместитель заведующего секретариатом СНК во время войны работал с Вознесенским; как заместитель Берии по ГКО сотрудничал с Борисовым и Махневым. Борисов и Ключков под руководством Вознесенского работали в Госплане. Махнев был заместителем Берии как члена ГКО. Его же заместителем как наркома внутренних дел был Завенягин. Пересекались по службе в НКВД Бабкин, Комаровский, Мешник и Павлов.

Обстановка послереволюционного Баку объединяет живших там Берию, Ванникова и Емельянова. Берия и Ванников учились в одном учебном заведении.²⁷ А. И. Микоян утверждал, что они даже «были друзьями в юности»,²⁸ чему иных свидетельств не имеется. Со слов П. А. Судоплатова известно, что Берия был инициатором выдвижения Ванникова на пост наркома.²⁹ По воспоминаниям Емельянова, он был знаком с Ванниковым с 13 лет, когда 17-летний учащийся техникума Ванников

²² По воспоминаниям Ванникова, в тюрьму ему передали указание Сталина изложить меры по развитию производства вооружения в условиях войны, которая, по сути, и принесла ему реабилитацию (см.: Б. Л. Ванников: мемуары, воспоминания, статьи. М., 1997. С. 6).

²³ См.: Завенягина Е. А., Львов А. Л. Завенягин. Личность и время. М., 2006. С. 254, 255.

²⁴ Дзантиев И. Как Ефима Славского подвела рыбка с активным троцкистом Мамсуровым. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/06-den-kalendarja/kak-efima-slavskogo-podvela-rybalka-s-aktivnym-trochistom-mamsurovom> (дата обращения: 15.08.2018).

²⁵ См.: Герои атомного проекта. М.; Саров, 2005. С. 48.

²⁶ Подробнее об этом см.: Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 1945–2005: в 3 т. М., 2009. Т. 1; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры М., 2011.

²⁷ В разные годы начала XX в. оно называлось «Бакинское среднее механико-строительное техническое училище», «Бакинское политехническое училище», «Бакинский политехнический институт».

²⁸ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.

²⁹ См.: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1998. С. 324.

подрабатывал игрой на кларнете перед киносеансами, куда и проводил бесплатно младшего товарища.³⁰ Позже оба состояли в партийной ячейке Союза металлистов.³¹ Как отмечалось выше, пересекались студенческие годы Завенягина, Славского, Емельянова и Антропова в Московской горной академии, которая в начале 1930-х гг. разделилась на несколько вузов; инженеров-механиков Малышева и Кандарицкого — в Московском механико-машиностроительном институте; Ключкова и Владимирского — в Московском энергетическом институте.

Личностные связи могли лежать в основе «подводных» механизмов кадровых решений, напоминая айсберг, большая часть которого скрыта под водой.³² Тот факт, что они действительно были в ходу, можно установить по воспоминаниям некоторых руководителей проекта. Так, Емельянова в проект позвал друг детства Ванников,³³ он же пригласил Петросьянца, с которым они знали друг друга с 1939 г.³⁴ Славский первое «собеседование» в ПГУ проходил у Завенягина, прекрасно знакомого ему со студенческой скамьи.³⁵ По свидетельству А. А. Бриша, лично Берии был обязан своей быстрой карьерой Павлов, который обратил на себя его внимание своими четкими действиями в 1939 г., в ситуации перебоев в снабжении Москвы хлебом.³⁶ Возможно, поэтому в 1946 г. о нем вспомнили не случайно, так же как о Мешике, который, в силу служебной принадлежности, был в поле внимания Берии с того же 1939 г.,³⁷ и, по свидетельству П. А. Судоплатова, Берия был готов доверять ему серьезные операции.³⁸ Александрова, работавшего в войну заместителем Берии по ГКО, тот считал «своим кадром» и в 1947 г. «пристроил» его заместителем начальника ПГУ.³⁹ Другой заместитель Берии по ГКО —

Махнев — стал секретарем Спецкомитета. Формула «он меня знал хорошо» была достаточным основанием для ведения общих дел. Подобные личные связи работали на скоординированность руководящего корпуса проекта.

Таким образом, к моменту вхождения в атомный проект его руководители имели солидный опыт партийной, государственной и/или хозяйственной деятельности и совместной работы, а инженерное образование их подавляющего большинства позволяло вникать в технические вопросы проекта. Анализ дат, на которые приходится их предыдущие основные назначения, склоняет нас согласиться с мнением Э. Модсли и С. Уайта о том, что важным фактором, помогающим двигаться по служебной лестнице в довоенном СССР, был быстрый рост административных должностей в развивающейся советской индустриальной экономике, и только потом — кадровые чистки 1930-х гг.⁴⁰ В целом, это те процессы конца 1920-х–1930-х гг., которые Р. Хелли объединяет в третью «служебную революцию» в России, давшую «новый служилый класс во имя обороны страны».⁴¹ Такое сходство профессионального продвижения, как отмечает Е. Ю. Зубкова, не только формировало особый статус этого слоя, но и обуславливало «известную общность мышления и образа действий».⁴² У «атомных» руководителей эта общность проявлялась в способности брать на себя персональную ответственность за принятие решений и выполняемые работы, в приверженности к жесткой дисциплине, к требовательности, напряженному ритму труда, в установке на результат любой ценой.

Изучение биографий «административных» руководителей атомного проекта показывает, что, в целом, это были незаурядные личности, персональный и профессиональный опыт которых подготовил их к решению сложнейших задач. При этом «атомные» управленцы (особенно их ядро) были самостоятельно мыслящими, умеющими отстаивать свое мнение людьми, а не «угодливыми» или «удобными» кадрами. Иначе говоря, основанием для назначения на руководящие должности в атомный проект служила их профессиональная компетентность и деловые качества.

³⁰ См.: Емельянов В. С. С чего начиналось. М., 1979. С. 154, 155.

³¹ См.: Б. Л. Ванников: мемуары, воспоминания, статьи. С. 105.

³² См.: Крупына В. А., Кузьменко Ю. В. Номенклатурные землячества в советской Украине в 50–80-х гг. XX в. // Материалы интернет-конференции «Советская номенклатура и современная элита в России и на постсоветском пространстве (1945–2014)». Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, 15–20 декабря 2014 г. URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=32&pod_id=85 (дата обращения: 15.08.2018).

³³ См.: Емельянов В. С. С чего начиналось. С. 152, 153.

³⁴ См.: Б. Л. Ванников: мемуары, воспоминания, статьи. С. 103.

³⁵ См.: Творцы атомного века. Славский Е. П. М., 2013. С. 28.

³⁶ См.: Аркадий Адамович Бриш: статьи, документы, воспоминания. М., 2007. С. 229.

³⁷ См.: Политбюро и дело Берия: сб. документов. М., 2012. С. 93.

³⁸ См.: Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 210.

³⁹ См.: Волобуев Г. Т. Указ. соч. С. 42, 43.

⁴⁰ См.: Модсли Э., Уайт С. Указ. соч. С. 198.

⁴¹ Hellie R. The Structure of Russian Imperial History // History and Theory. 2005. Vol. 44, № 4. P. 88–112.

⁴² Зубкова Е. Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103, 104.

Типичные же для советского административно-управленческого аппарата практики, которые исследователи называют неформальными и патримониальными,⁴³ были вторичны. Выявленные персональные связи, сложившиеся в результате рабочих и, отчасти, дружеских отношений, лишь давали необходимую информацию о потенциале претендента, но не были первопричиной назначения на «атомные» руководящие должности. Эти кадровые назначения не диктовались «необходимостью помочь друзьям».⁴⁴ Так, Ванников пригласил Емельянова и Петросьянца на должности заместителей начальника ПГУ не потому, что «давно их знал» и ожидал личной преданности, а потому, что знал их способности, возможности и опыт.

Да, «атомные» управленцы не были специалистами в ядерной физике, и обвинение П. Л. Капицы «в незнании партитуры», которое он предъявлял Берии,⁴⁵ можно распространить на всех «административных» руководителей проекта. Однако, продолжая поднятую Капицей «музыкальную» тему, хочется привести экспертное мнение одного из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX в. П. Друкера. Он подчеркивал, что руководитель в организации, нанимающей работников умственного труда, не может «выполнять работу кого-либо из своих подчиненных, как и дирижер оркестра не может играть на трубе».⁴⁶ Руководители атомного проекта стали теми «дирижерами», которые сделали успешным весь «атомный оркестр».

Natalia V. Melnikova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: melnatvik@mail.ru

LEADERS OF THE SOVIET ATOMIC PROJECT: A COLLECTIVE PORTRAIT

Russia's atomic project is one of the most successful Soviet undertakings, which contributed considerably to the national defense and gave an impetus to the development of fundamentally new branches of science and industry. The implementation of a high-tech project in a war-torn country encountered difficulties of various sorts: scientific, economic, commodity, organizational, technical, industrial, educational, personnel and so on. Ultimately, as a result of the interaction of a large number of people, not just a viable, but an effective institution was created. Its leaders, no doubt, belonged to "event-creators", who left the imprint of their individuality on the course of the project. Conditionally, they can be divided into state managers and scientific elite. The representatives of the latter have been given relatively more attention in the historiography of the Soviet atomic project, since their intellectual contribution was decisive for achieving the ultimate goal of the high-tech project. The article analyzes the biographies of members of the highest "atomic" governing bodies in 1945–1953 who were not related to the leaders "from science". This is the first experience of drawing up their "collective biography", which not only gives an opportunity to demonstrate who and why was at the head of the atomic project, but also illustrates the "normal" career of the Stalin era statesmen and the project they managed.

Keywords: *USSR atomic project, Special committee, First main administration, leaders*

REFERENCES

- Artemov E. T. *Atomnyy proyekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [The Atomic project in the coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017, 343 p. (in Russ.).
- Bystrova I. V. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v gody kholodnoy voyny (vtoraya polovina 1940-kh — nachalo 1960-kh godov)* [The USSR military-industrial complex during the Cold War (the second half of the 1940s — the beginning of the 1960s)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2000, 359 p. (in Russ.).
- Danilenko M. A. *Partiynaya i gosudarstvennaya deyatelnost' G. M. Malenkova (1939–1957 gg.): avtoref. kand. diss.* [G. M. Malenkov's political and state activities (1939–1957): Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2005, 171 p. (in Russ.).

⁴³ См.: Гетти А. Практики сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016; Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификации элиты в Советской России. М., 2010.

⁴⁴ Гетти А. Указ. соч. С. 33.

⁴⁵ См.: Атомный проект СССР... Т. 2, кн. 1. С. 618.

⁴⁶ Друкер П., Макьярелло Д. Менеджмент. М., 2010. С. 134.

- Drucker P., McJarello D.** *Menedzhment* [Management]. Moscow: OOO "I. D. Vil'yams" Publ., 2010, 704 p. (in Russ.).
- Easter G. M.** *Sovetskoye gosudarstvennoye stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsii elity v Sovetskoy Rossii* [Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 255 p. (in Russ.).
- Fitzpatrick S.** Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939. *Slavic Review*, 1979, vol. 38, no. 3, pp. 377–402. (in English).
- Getty A.** *Praktiki stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, 374 p. (in Russ.).
- Hellie R.** The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory*, 2005, vol. 44, no. 4, pp. 88–112. (in English).
- Khlevniuk O. V., Gorlizki Y.** *Kholodnyy mir: Stalin i zaversheniye stalinskoy diktatury* [Cold Peace: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 231 p. (in Russ.).
- Kosova L.** [The Society of Non-accumulation]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz, Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 2009, no. 1 (99), pp. 56–64. (in Russ.).
- Krupyna V. A., Kuzmenko Yu. V.** [Nomenclature fraternities in the Soviet Ukraine in the 50–80s of the 20th century]. *Materialy internet-konf. «Sovetskaya nomenklatura i sovremennaya elita v Rossii i na post-sovetskom prostranstve (1945–2014)* [Proceedings of the Internet conf. "The Soviet nomenclature and the modern elite in Russia and in the post-Soviet space (1945–2014)]. Available at: http://elis.pstu.ru/index.php?a=32&pod_id=85 (accessed: 15.08.2018). (in Russ.).
- Mawdsley E., White S.** *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Tsentral'nyy Komitet i yego chleny, 1917–1991 gg.* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members, 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 431 p. (in Russ.).
- Melnikova N. V.** [Female employment in the Soviet nuclear project]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2017, no. 6, pp. 155–165. (in Russ.).
- Pikhoya R. G.** *Moskva. Kreml'. Vlast'* [Moscow. Kremlin. Power. 1945–2005]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2009, vol. 1, 454 p. (in Russ.).
- Pyzhikov A. V.** *Korni stalinskogo bol'shevizma* [The Roots of the Stalinist Bolshevism]. Moscow: Argumenty nedeli Publ., 2015, 384 p. (in Russ.).
- Zubkova E. Yu.** [Malenkov and Khrushchev: the personal factor in the policy of the post-Stalin leadership]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1995, no. 4, pp. 103–115. (in Russ.).